

Отглагольное имя и структура русского глагола*

Анна Пазельская, Сергей Татевосов

1. Введение

Настоящая статья является побочным результатом попытки ответить на следующий вопрос: почему отглагольные существительные настолько отличаются от глаголов? Почему конструкции с отглагольными существительными систематически обнаруживают больше синтаксических и семантических возможностей и соблюдают меньше ограничений, чем полные предикации, содержащие соответствующие глаголы? В обширной литературе по русским отглагольным именам (Апресян 1965, 1974, Браккер 1979, 1980, 1982, Гак 1976, Зализняк, в печати, Иванникова 1972, Крейдлин, Рахилина 1981, Падучева 1977, 1984, 1991, 1986, Пазельская 2003, Татевосов, в печати, Хохлачёва 1969, Шмелёва 1984 и ряд других работ) можно найти множество разных фактов, иллюстрирующих это различие. Вот некоторые из них.

Любой глагол в русском языке является глаголом либо совершенного, либо несовершенного вида, что имеет совершенно определенные последствия для его дистрибуции. Например, в эпизодической интерпретации глаголы НСВ вводят в рассмотрение ситуации, синхронные точке отсчета (*Когда я пришел, Вася писал письмо*), тогда как для глаголов СВ точка отсчета не может быть локализована внутри временного интервала, занимаемого описываемой ситуацией (*Когда я пришел, Вася написал письмо* *‘В момент прихода написание письма проходило одну из фаз своего развития’). Для соответствующих существительных такого ограничения не наблюдается, ср. *Я пришел во время писания письма* и *Я пришел во время написания письма* — в обоих случаях мы имеем синхронную точку отсчета.

Глаголы совершенного вида в русском языке являются предельными (если не брать в расчет делимитативов типа *погулять* и пердуративов типа *простоять*): в значение глагола *написать* входит указание на то, что описываемая ситуация достигла естественного предела, после чего наступило результирующее состояние. Предложение *Утром Вася написал письмо* не допускает продолжения *но закончить не удалось, и он сел дописывать после обеда*. Выражение *написание письма* такого ограничения не имеет: *Написание письма продолжалось все утро, но закончить так и не удалось, и Вася сел дописывать после обеда*.

В русском языке имеется класс глаголов совершенного вида, которые ограничивают интерпретацию прямого дополнения (Filip 1999 и другие работы, Verkuyl 1999). *Вася написал письма* предполагает, что в рассмотрение заранее введено определенное множество писем, и утверждается, что все они задействованы в описываемой ситуации. Эксплицитное указание на то, что существуют письма вне этой совокупности, например, *но осталось еще три*, вызывает противоречие. Отглагольное существительное и здесь отличается от

---

* Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект №05-06-80258а).

полной предикации, ср. *Написание писем продолжалось весь день, но назавтра осталось еще прилично* (см. подробнее Pazelskaya, Tatevosov 2006).

Наконец, отглагольные существительные допускают продуктивную инкорпорацию внутреннего аргумента (Богданов 2005) — *самогоноварение, заборостроение, себялюбие* или даже *письмописание* (корпусной пример¹: «*Написанное пером не вырубишь топором*», — *говорит народная мудрость. Письмописание помогает научиться думать с осторожностью, ценить пишущего и писать грамотно*). Такой возможности лишены полные предикации, ср. **Вася самогоноварит, *Петя заборостроит, *Коля себялюбит* или **Саша письмописшет*.

Рабочую гипотезу, которой мы далее придерживаемся, можно в двух словах сформулировать так: отглагольные существительные проще глаголов. То, что мы привыкли считать «семантикой глагола» (например, *написать*), в действительности представляет собой комбинацию нескольких компонентов значения. Значение глагольной основы (в данном случае *написа-*), задаваемое словарно, — только один из этих компонентов. Помимо него, есть и другие компоненты, которые возникают в процессе синтаксической деривации — по мере того, как мы создаем предикацию с использованием этой основы (например, *Вася написал письма*). Конструкции с отглагольными существительными типа *написание письма* — будем далее называть их **номинализациями** — также возникают в процессе синтаксической деривации, однако в их построении задействована не вся синтаксическая структура, представленная в полных предикациях. Именно в этом смысле отглагольные существительные проще, чем клаузы. И те и другие имеют некоторую общую часть структуры. Кроме нее, однако, клаузы имеют дополнительный фрагмент структуры, которого лишены номинализации.

Соответственно, именно номинализации дают нам более близкую к реальности картину того, какое значение задано для глагольной основы словарно: в номинализациях она скрыта от обозрения меньшим количеством семантических и синтаксических наслоений. Поэтому, если мы видим в номинализациях, где представлены отглагольные имена, больше семантических возможностей, чем в полных предикациях, где представлены глаголы, это означает одно: имеется такая стадия деривации предикации, на которой часть возможностей, исходно присутствующих в значении глагольной основы, блокируется. Номинализация, однако, происходит до этой стадии, и в ней все исходные возможности сохраняются.

Если эта гипотеза верна, то ключевым является вопрос о том, на какой именно стадии синтаксической деривации происходит номинализация. В этой статье мы предложим несколько обобщений относительно структуры номинализаций на *-ние/-тие*, позволяющих, как мы надеемся, приблизиться к ответу на этот вопрос.

---

¹ Здесь и далее корпусные примеры заимствованы из Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru) и различных интернет-ресурсов.

2. От морфологии к синтаксису

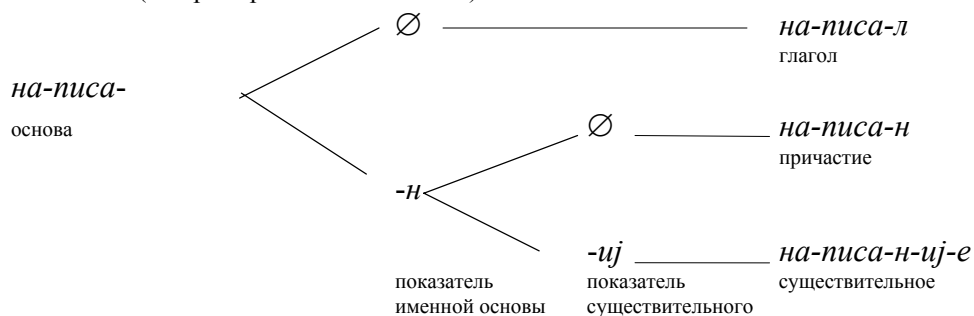
Начнем с нескольких морфологических наблюдений. Как отмечали, в частности, Л.Бэбби (Babby 1997) и Г.Раппапорт (Rapaport 2001), отглагольные существительные имеют общий морфологический показатель с пассивными причастиями («страдательными причастиями прошедшего времени»). Это подтверждается одинаковой дистрибуцией показателей причастия *-(e)н-/-т-* и существительного *-(e)ниј-/-тиј-* (если пренебречь единичными исключениями):

- (1)   сдела-ть   сдела-н   дела-ниј-е
           раздел-и-ть   раздел-ен   раздел-ениј-е
           размы-ть   размы-т   размы-тиј-е

Особенно показательно в этом отношении распределение показателей с *-н-* и с *-т-*. Как отмечается в АГ 1980:670-671, вариант с *-т-* представлен, в частности, у причастий односложных основ на корневой гласный глаголов типа *бить*, *греть*, *дуть*, *взять*, а также их приставочных дериватов. Легко увидеть, что отглагольные имена, образованные от этих глаголов, также содержат вариант с *-т-* — *би-ть-е*, *разогре-т-ие* (пример из корпуса: *для разогретия аппетита, покушайте...*), *взду-т-ие*, *взя-т-ие*.

Таким образом, показатель *-(e)ниј-/-тиј-* следует анализировать как состоящий из двух морфем — *-(e)н-/-т-*, общей для причастий и существительных, и собственно показателя существительного *-иј-*. Морфологические отношения между глаголом, страдательным причастием и отглагольным существительным показаны на схеме 1.

Схема 1. Морфология отглагольного существительного, страдательного причастия и финитного глагола (на примере основы *на-писа-*)

Система, изображенная на схеме, идеальна для иллюстрации иконичности и маркированности. С морфологической точки зрения финитные глаголы, причастия и отглагольные существительные различаются двумя привативными оппозициями. Мы начинаем с основы *написа-*, которая обозначает ситуации. Чтобы получить из этой основы глагол, нам не требуется никаких морфологических усилий. Имя, точнее, именная основа, образуется посредством показателя *-н-*. Из этой именной основы мы вновь без дополнительных усилий получаем причастие (т.е. отглагольный адъектив), тогда как существительное требует специального показателя *-иј-*. Иконичность очевидна: ситуативной семантике естественно

воплотиться в глагол, менее естественно в адъектив и еще менее естественно в существительное. Чем менее естественно соотношение между семантикой и формой, тем более маркированной является эта форма.

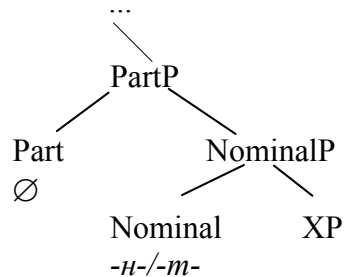
Как видно из Схемы 1, в отличие от Rappaport 2001 и Paslawska, von Stechow 2003, мы не считаем, что отглагольные существительные образуются от пассивных причастий: и причастия и существительные образуются независимо от общей основы. Соображения симметрии в системе оппозиций играют не главную роль в таком решении. Наш основной довод — семантический: пассивные причастия стативны, в то время как отглагольные существительные обозначают события. Слово сочетание *написание письма* описывает событие, в ходе которого письмо пишется, но не состояние, когда оно уже написано, а предложение *письмо написано*, напротив, описывает результирующее состояние письма, но не событие, приведшее к этому состоянию. Если бы отглагольные существительные образовывались от пассивных причастий, эти факты выглядели бы необъяснимо: интуитивно приемлемого способа получить нужную событийную интерпретацию из стативной не существует. Если причастия и существительные образуются независимо от общей именной основы, такой проблемы не возникает — в Pazelskaya, Tatevosov 2006 мы предлагаем анализ, при котором эта основа сама по себе не обозначает ни событий, ни состояний, однако имеет семантический потенциал для создания как стативной, так и событийной интерпретаций.

Следующий шаг — выявление наиболее существенных синтаксических свойств номинализации на *-ние/-тие-*. В последние годы в западных работах ведутся энергичные дискуссии о синтаксической структуре номинализаций. Строго лексикалистский подход к некоторым типам номинализаций, который, благодаря статье Chomsky 1970, долгое время господствовал в теоретической литературе (о русских номинализациях см., в частности, Comrie 1980), постепенно сменился представлением о том, что номинализации с событийной референцией и обязательным внутренним аргументом (= сложные событийные имена в терминах Grimshaw 1990) всегда представляют собой продукт синтаксической деривации. (Мы не будем сейчас повторять аргументы в пользу такого анализа и отсылаем читателя к работам А.Алексиаду (Alexiadou 2001, 2005), Х.Борер (1993, 1999), Дж.Гримшоу (Grimshaw 1990), Т.Ропера (Roeper 1987, 2004) и целого ряда других исследователей (Fu et al. 2001, van Hout, Roeper 1998, Rozwadowska 1997).

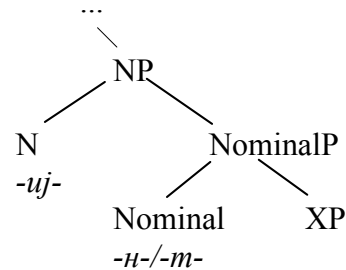
Морфологический анализ на схеме 1 предполагает, что как причастия, так и номинализации образуются в два шага. Если допустить, как это делается во многих современных синтаксически ориентированных работах по морфологии, что любой регулярный и продуктивный показатель представляет собой отдельную синтаксическую вершину, то в синтаксической деривации как существительных на *-ние/-тие-*, так и пассивных причастий участвуют по две именные вершины. Допустим также, что для вершин-аффиксов выполняется так называемый принцип зеркала (mirror principle, Baker 1985) — линейные отношения аффиксов отражают их иерархические отношения. Одна из двух вершин — Nominal — является общей для причастий и существительных, и в ней размещается показатель *-н/т-*. Для максимальной проекции NominalP есть две возможности — стать компонентом вершины Part и образовать конструкцию со страдательным причастием, как в (2),

или соединиться с вершиной N и образовать отглагольное существительное на *-ние/-тие-*, как в (3).

(2) Страдательное причастие

(3) Отглагольное существительное

В деривациях, представленных в (2) и (3), задействуется стандартный механизм передвижения вершины: сначала вершина X соединяется с аффиксом *-н-/-т-*, образуя сложную вершину [_{Nominal} X-н-/-т-]. При образовании существительного в (3) эта сложная вершина с помощью такого же передвижения соединяется с аффиксом *-иж-*, образуя вершину [_N [_{Nominal} X-н/т]-иж-].

3. Глагол и легкий глагол в составе номинализаций

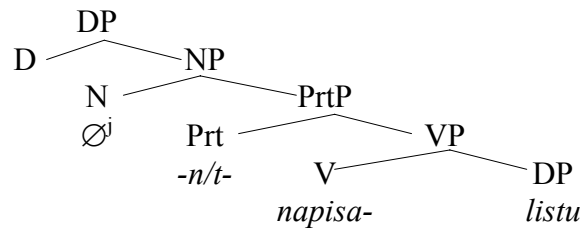
Ключевой вопрос состоит в том, какие синтаксические составляющие могут размещаться в позиции комплемента вершины Nominal, обозначенного на схемах в (2)-(3) как XP. Если мы знаем ответ на этот вопрос, мы знаем и то, какая часть синтаксической структуры является общей для номинализаций и для полных предикаций.

По-видимому, все, кто придерживается синтаксического подхода к номинализациям, согласны, что именно в этом отношении различаются номинализации в разных языках, а также разные номинализации внутри одного языка. Богатый эмпирический материал на этот счет дают английские номинализации на *-ing*, которые подробно обсуждаются в диссертации С.Эбни (Abney 1987) и многих последующих работах.

Значительная часть исследователей сходится в том, что во многих номинализациях представлена по меньшей мере глагольная группа VP. Кроме того, в литературе широко обсуждались данные, указывающие на присутствие в номинализациях целого ряда языков группы малого, или легкого глагола (*vP*), в которую вкладывается глагольная группа VP, а также, возможно, и доминирующих над *vP* функциональных проекций, в частности, аспектуальной проекции AspP (см. обзор имеющихся подходов в Alexiadou 2005, а также литературу к этой статье; в качестве примеров различных возможностей см. Гращенков, Лютикова, наст. сб., о номинализации в нахско-дагестанских и тюркских языках, Сердобольская, наст. сб., о номинализации в уральских языках, а также Рудницкая, наст. сб., о номинализации в корейском).

Номинализациям в славянских языках посвящена значительно меньшая литература, но и здесь разнообразие выводов довольно велико. Для польского языка, например, Г.Раппапорт (Rapaport 2000, 2001) обосновывает структуру (4).

(4)

В (4) зависимым вершины, возглавляемой показателем *-n/t-* (в данном анализе это вершина Prt), является глагольная группа VP. В отличие от польского, в русском языке, считает Г.Раппапорт, номинализации подвергается не глагольная группа VP, а сама вершина V⁰. М.Схорлеммер (Schoorlemmer 1995) приходит к аналогичному выводу — в польском языке в составе номинализации представлено больше синтаксической структуры, чем в русском,— однако в ее системе различие между языками как бы смещено вверх по синтаксическому дереву: внутри русской номинализации она усматривает VP, а внутри польской — аспектуальную группу AspP, которая доминирует над VP.

Не претендуя на окончательное решение, обсудим некоторые факты, которые, как нам кажется, позволяют пролить свет на структуру русских номинализаций.

Прежде всего, в составе номинализаций в русском языке, вопреки тому, что пишет Г.Раппапорт, допускается довольно широкий класс обстоятельств. Вот несколько корпусных примеров:

- (5) Консультации специалистов: терапевта, невропатолога, кардиолога, ЛОР, педиатра, психиатра. Названия специалистов, думаю, говорят сами за себя. Это и консультативная помощь, и назначение лечения, и *оказание помощи немедленно* на месте, и рекомендации на будущее.
- (6) Военная реформа "по Минобороны" — это ограниченный контингент контрактников, растянутые сроки, большие деньги и *сохранение призыва навсегда*.
- (7) Лицензия — «добро» государства на тот или иной вид предпринимательской деятельности — это забота многих представителей российского бизнеса. Гарантируем *получение лицензии быстро* и с минимальными вложениями.
- (8) Я не буду описывать войну с родственниками, подозрения мужа. Мальчик без имени несколько месяцев, вызов в загс, компромисс в загсе — *заполнение анкеты за пять минут*. До родов я и сама не очень-то отличала Виктора от Виталия, но сына назвала именно так.

Существуют различные предположения по поводу синтаксического статуса наречий типа *немедленно*, *навсегда* и *быстро* в (5)-(7) — например, что наречия представляют собой адьюнкты, присоединяющиеся к промежуточной проекции X'

вершины X, что они размещаются в позиции спецификатора у релевантных функциональных проекций и т.д. Существенно то, что будучи сами фразовыми категориями, они не могут образовывать составляющую с вершиной, в частности, с глагольной вершиной V^0 . Соответственно, возможность наречий в (5)-(7) — это сильный аргумент в пользу того, что в номинализациях присутствует не только вершина V^0 , а фразовая составляющая, — по меньшей мере, максимальная проекция глагола VP. Это же верно для обстоятельства длительности *за пять минут* в (8).

Целый ряд исследователей отстаивает идею, согласно которой наречия различаются не только (и не столько) семантически, но и структурно — с точки зрения того, к какой составляющей они присоединяются — к VP или к составляющим более высокого уровня. Г.Чинкве (Cinque 1999), например, предлагает анализ структуры клаузы, в котором над VP размещается около 30 функциональных проекций, и каждая соответствует определенному классу наречий. К.Тенни (Tenny 2000) сводит функциональные проекции Г.Чинкве к значительно более ограниченному инвентарю из семи вершин. Существуют и другие подходы к анализу наречий, в которых развиваются сходные идеи. Несмотря на технические различия, представления о наречиях в рамках этих подходов довольно близки: например, наречия способа действия типа ‘быстро’, ‘часто’, ‘регулярно’, ‘полностью’, ‘наполовину’, ‘еще раз’ присоединяются на уровне VP, агентивно-ориентированные наречия типа ‘намеренно’, ‘нарочно’ или ‘по-умному’ — на уровне группы малого, или легкого глагола vP , модальные и эпистемические наречия типа ‘вероятно’, ‘возможно’, ‘предположительно’ — на еще более высоких уровнях.

Если анализ наречий в таком духе верен, то по тому, какие наречия сочетаются с отглагольными именами, можно судить о синтаксическом строении номинализаций. В русском языке, в частности, отглагольные имена допускают не только наречия уровня VP, но и агентивно-ориентированные наречия:

- (8) Суд не указал, почему он отверг заключения судебно-медицинских экспертиз и показания, изложенные Пыхановым в явке с повинной, о *нанесении им Тарасову умышленно телесных повреждений* за оскорбление его Тарасовым в нецензурной форме.

Допустимость агентивно-ориентированных наречий заставляет предположить наличие внешнего аргумента у номинализаций типа *нанесение телесных повреждений*. Если принять широко распространенное в синтаксической литературе представление, согласно которому внешний аргумент (в частности, с ролью агенса) возникает в позиции спецификатора легкого глагола,² то приемлемость (8) свидетельствует о наличии vP в составе номинализации.

---

² Это представление восходит, по-видимому, к гипотезе о глагольных оболочках Р.Ларсона (Larson 1988), а также к гипотезе о синтаксическом происхождении внешнего аргумента А.Кратцер (Kratzer 1996).

Другое важное свидетельство присутствия внешнего аргумента (см. Roeper 1987, 2004) — его способность контролировать нулевое подлежащее целевого оборота:

- (9) Главное — *написание магистерской диссертации* с целью [∅ проявить свое умение самостоятельно (лично и личностно) разрешать трудные и спорные вопросы христианской веры и жизни].

Способность контролировать нулевое подлежащее рассматривалось как показатель присутствия имплицитного внешнего аргумента для многих конструкций. Например, контраст между предложениями в (10) показывает, что в неопределенно-личном предложении (10a) и в пассивном (10b) имеется имплицитный агент, кореферентный нулевому подлежащему при инфинитиве (участник ситуации, утопивший корабль, идентичен участнику ситуации, который намеревается получить страховку). В (10c) такой агент отсутствует, и контролером нуля при инфинитиве может быть только подлежащее *корабль*, вследствие чего предложение оказывается семантически аномальным.

- (10) а. Корабль утопили с целью [∅ получить страховку].
б. Корабль был утоплен с целью [∅ получить страховку].
в. #Корабль утонул с целью [∅ получить страховку].

Таким образом, допустимость предложений типа (9) указывает на то, что в предложении присутствует имплицитный агент. Если агент возможен только при наличии *vP*, мы имеем веский аргумент в пользу того, что номинализации на *-ние/-тие* содержат не только *VP*, но и *vP*. (Подробно о подлежащем при номинализациях и о доступных для них возможностях контроля анафорических элементов см. Подобреев, наст. сб.)

Вершина *v* в номинализациях является, очевидно, дефектной (см. Alexiadou 2001 и упомянутую там литературу) — в том смысле, что она не допускает в своем спецификаторе полные именные группы и лишена возможности приписывать винительный падеж. Тем не менее, она вносит вклад в интерпретацию, устанавливая соответствие между событиями, обозначенными *VP*, и агентивными участниками этих событий.

Ещё один важный факт, проливающий свет на синтаксическую структуру номинализаций на *-ние*, — так называемая каузативно-инхоативная альтернатива. Извлеченные из корпуса примеры (12)-(13), в частности, иллюстрируют каузативную и инхоативную (=декаузативную) интерпретации существительного *наполнение*, соответствующего в одном случае глаголу *наполнять*, а в другом — *наполняться*:

- (11) Дружелюбие лидера КПРФ было щедрым: заметно посвежевший после отпуска г-н Зюганов восхитился загаром журналиста НТВ и даже не сильно расстроился, когда ловкие фотографы запечатлели его в момент *наполнения бокала*. <агентивная интерпретация>

- (12) Процесс *наполнения Черного моря* и выравнивания уровней воды занял примерно сорок лет. В результате Черное море поднялось и затопило прибрежные цивилизации. <декаузативная интерпретация>

Как известно, в русском языке каузативно-инхоативная альтернатива возможна у номинализаций, но невозможна у полных предикаций, ср. *Зюганов наполнил бокал* vs. **Черное море наполнило* ‘Черное море наполнилось’ (см. Пазельская 2006, Татевосов (в печати)). Основа *наполни-* в чистом виде создает переходную предикацию; для получения декаузатива, не предполагающего внешней агентивной каузации, необходимо присоединить показатель *-ся*.

Как обсуждается в Татевосов (в печати), наиболее естественное объяснение каузативно-инхоативной альтернативы отглагольных имен состоит в том, что номинализации в русском языке могут подвергаться как VP, так и vP. Соответственно, два прочтения отглагольного существительного *наполнение* в (11)-(12) являются реализациями двух разных структур в (13a-b):

- (13) a. [_{NP} -и]- [_{NominalP} -Н- [_{vP} AGENT [_{vP} наполн- бокал]]]]
b. [_{NP} -и]- [_{NominalP} -Н- [_{vP} наполн- Черное море]]]

Таким образом, основа *наполни-*, как и ее аналоги во многих других языках (например, английское *fill* ‘наполнить, наполниться’), является лабильной и допускает две морфологически идентичные синтаксические возможности — создать непереходную (неаккузативную) структуру с единственным, внутренним, аргументом, либо структуру с двумя аргументами. (Отличие русского *наполни-* от английского *fill* состоит в том, такое положение вещей наблюдается только в номинализациях.) Если верно, что в случае с глаголами типа *fill* переходная и непереходная структуры различаются на $\pm vP$ (см. Hale, Keyser 1993, Kratzer 1996, Ramchand 2003 среди многих других³), такое же объяснение можно принять и для случаев типа (11)-(12); соответственно, если бы в номинализации была невозможна vP, была бы невозможна и каузативно-инхоативная альтернатива.

4. Границы номинализации

Пусть легкий глагол *v* и возглавляемая им составляющая vP может, как мы пытались убедить читателя, подвергаться номинализации в русском языке. Возникает вопрос, какие еще составляющие допускают ту же возможность, каков тот синтаксический максимум, который в состоянии оказаться компонентом именной вершины Nominal на схеме (3).

Прежде всего, можно заметить, что наречия уровня клаузы, например, модальные и эпистемические, при отглагольных существительных последовательно запрещены. (16a) иллюстрирует это на примере *вероятно*, а (16b)

³ Не все авторы используют в своем анализе легкий глагол *v*. Однако в их системах та вершина, наличием которой каузативный вариант глагола отличается от инхоативного (в Kratzer 1996, например, это вершина Voice), несет примерно ту же содержательную нагрузку, что *v* (см., в частности, Folli, Harley 2004).

с прилагательным *вероятный* показывает, что запрет в (16а) не является результатом семантической несовместимости значения ‘вероятно’ и значения отглагольного существительного:

- (14) а. *Он надеялся на оказание помощи вероятно.
б. Он надеялся на вероятное оказание помощи.

Примеры типа (14) свидетельствуют, что в русском языке номинализации не могут подвергаться те составляющие, на уровне которых присоединяются эпистемические наречия. Каковы бы ни были эти составляющие (в разных системах предлагались CP, TP, EpistP, EvidP и т.п.), можно заключить, что значительная часть структуры клаузы в номинализацию в русском языке не входит — в этом отношении он похож, например, на новогреческий (Alexiadou 2001).

Тем не менее, *vP* не является максимальной составляющей, которая допускает номинализацию. В составе номинализаций может присутствовать показатель имперфектива *-ыва-* (*открывание, просверливание, позвякивание*), о котором можно сделать важное обобщение: любая составляющая, которая содержится в возглавляемой этим показателем проекции (назовем ее AspP), допускает номинализацию, но никакая составляющая, которая содержит AspP, не допускает⁴.

Вот некоторые факты, подтверждающие это. Помимо суффиксов *-ыва-* и *-ну-* (последний мы в настоящей работе обсуждать не будем), весь остальной материал, образующий глагольную основу в русском языке,— префиксальный. О том, сколько префиксов допускается в русской глагольной основе, нет единого мнения. В Татевосов 2006 обосновывается, что их по меньшей мере четыре. Префиксы распадаются на группы, которые противопоставлены друг другу по целому ряду семантических и синтаксических признаков.

---

⁴ Отдельный вопрос — как узнать, расположена ли AspP над *vP* или под *vP* (последняя возможность, в частности, обосновывается в Travis 2000, а применительно к славянскому материалу — в Golezdzinowska 2004). Мы можем привести следующие семантические аргументы в пользу того, что AspP доминирует над *vP*. Имперфективные клаузы, содержащие глаголы с *-ыва-*, например, *Вася открывает дверь*, могут допускать несколько прочтений. Одна из возможностей состоит в том, что Вася приводит дверь в движение некоторым усилием, и дверь открывается все шире. Вторая — что Вася поворачивает ключ в замке; дверь при этом остается закрытой, но ее переход в состояние ‘быть открытым’ приближается. Третья — это когда замок заклинило и Вася пытается открыть его сначала с помощью ключа, затем использует стамеску, после берет кувалду и т.д. С дверью в этом случае не только не происходит изменения состояния, но даже и приближения к этому изменению. Во всех трех случаях в сфере действия *-ыва-* находится деятельность Агенса. Изменение состояния пациента попадает в сферу действия *-ыва-* только в первых двух случаях — в третьем с дверью не происходит вовсе ничего. Существенно здесь то, что предложение *Вася открывает дверь* не допускает прочтения, при котором в СД *-ыва-* находится только изменение состояния пациента, но не усилия агенса, которые приводят к этому изменению. Это предложение, например, не может значить, что Вася уже приложил к двери некоторую порцию усилий, и в результате дверь в момент речи открывается все шире. Однако именно такая возможность ожидалась бы, если бы *-ыва-* соединялась с VP до того, как в игру вступила вершина *v*, в которой локализована агентивная семантика — если бы *-ыва-* располагалась между *v* и V, а не поверх обеих.

Различие между **внешними** и **внутренними** префиксами (в другой терминологии — лексическими и супралексическими) обосновано, например, для романских языков в Di Scullo 1997, 1999, а для славянских языков — в первую очередь в работах П.Свенониуса и его исследовательской группы (Svenonius 2003, 2004, Ramchand 2004, Romanova 2004, 2006), а также в DiScullo, Slabakova 2005. В Татевосов 2006 обосновывается трехчленное противопоставление, при котором помимо внешних и внутренних, выделяются также **промежуточные** префиксы с особыми дистрибутивными свойствами.

К внутренним относятся, в частности, префиксы, которые, применяясь к беспрефиксальной основе, создают новое лексическое значение (*писать* — *записать* ‘сделать запись’, *подписать*, *выписать* и т.д., *пить* — *запить* (*таблетки водой*), *отпить* и т.д.), а также так называемые чистовидовые префиксы, появление которых не производит видимого воздействия на лексическое значение (*писать* — *написать*, *пить* — *выпить*). Внутренние префиксы располагаются ближе всего к глагольному корню и, скорее всего, присоединяются к глагольной основе ещё в словаре.

Промежуточные префиксы — это, в частности, *пере-* в значении ‘вновь, еще раз, по новому’ (*переделать домашнее задание*) и *до-* в значении ‘завершить начатое’ (*доделать домашнее задание*). В отличие от внутренних префиксов, их семантика композициональна и они могут комбинироваться друг с другом (*допеределал* ‘завершил начатую переделку’, *передоделал* ‘доделал еще раз по-новому’). Более того, рекурсивное применение промежуточных префиксов является хотя и прагматически нагруженным и требует специфического контекста, не выглядит неграмматичным: *первый раз переделал неудачно — пришлось перепеределывать*; *Вася так и не доделал домашнее задание, пришлось родителям дододелывать*. Лексические префиксы аналогичных возможностей лишены, ср. **зазаписал*, **подподписал*, **заподписал*, **подзаписал* и т.д. Но самое главное — промежуточные префиксы присоединяются поверх внутренних (*дозаписал*, *перезаписал*, *доперезаписал* vs. **задописал*, **запереписал*, **дозапереписал* и т.д.).

Внешние префиксы — делимитативный *по-*, аккумулятивный *на-*, дистрибутивные *по-* и *пере-*, пердуративный *про-* и ряд других — обнаруживаются на левой периферии глагольной основы, дальше от корня, чем любые другие префиксы, ср. различные возможности в (15), в котором представлен глагол ‘записать’ и присоединяющиеся к нему промежуточные префиксы *до-* и *пере-*,⁵ и (16), в котором, кроме этого материала, имеется также делимитативный внешний префикс *по-*:

- (15) а. записать (кассеты)
б. перезаписать (кассеты) ‘записать еще раз’
с. доперезаписать (кассеты) ‘закончить записывать еще раз’

---

⁵ Делимитативный префикс присоединяется только к основам, описывающим гомогенные ситуации (см., в частности, Мелиг 2006, в печати). Поэтому в грамматичных вариантах делимитативных глаголов в (16) требуется показатель *-ыва-*, отвечающий за гомогенизацию (см. также ниже). Существенно то, что варианты с неграмматичным порядком делимитативного префикса — **запописать*, **перепозаписать*, **перезапописать* и т.д. — неграмматичны вне зависимости от присутствия *-ыва-*.

- (16) а. позаписывать ‘позаниматься записыванием’ || *запопис(ыв)ать
 б. поперезаписывать ‘позаниматься повторным записыванием’ ||
     *перепозапис(ыв)ать || *перезапопис(ыв)ать
 с. подоперезаписывать ‘позаниматься завершающей стадией
 повторного записывания’ || *допеперезапис(ыв)ать ||
     *доперепозапис(ыв)ать || *доперезапопис(ыв)ать

Промежуточные и внешние префиксы присоединяются к глагольной основе в синтаксисе, создавая свои собственные функциональные проекции.

Важнейшим для нас свойством внешних префиксов является то, что лишь они (да и то, видимо, не все) могут присоединяться как до, так и после показателя *-ыва-*. Первая возможность иллюстрируется в (17), вторая — в (18). Оба примера содержат аккумулятивный префикс *на-*:

- (17) А ещё меня всегда мучает мысль: вот когда заканчивается съёмка программы, в съёмочной группе ведь наверняка устраивается грандиозный праздник живота, да? Там же годовые запасы еды [[на-[дари]]-ва]-ют! Не уносит же Якубович всё себе домой?
- (18) Уголовных дел Луценко в бытность министром [на-[[откры]-ва]]-л аж 400 штук, а суды впаяли сроки от трех на востоке до девяти во Львове.

В (17) показатель *-ыва-* присоединяется «поверх» префикса *на-*, и в результате образуется глагол НСВ: (17) означает, что регулярно повторяется ситуация ‘надарили годовой запас еды’. В (18), напротив, с помощью показателя *на-* от основы НСВ *открыва-* образуется глагол СВ: (18) сообщает, что министр периодически открывал уголовные дела, и в результате их образовалось 400 штук.

Похожим образом ведет себя делимитативный префикс *по-*. В (19), например, он присоединяется после *-ыва-*:

- (19) Вася [по-[[откры]-ва]]л дверь пять минут, и бросил это занятие — замок намертво заклинило.

С другой стороны, имеются примеры типа (20), когда он соединяется с основой до *-ыва-*:

- (20) Здравствуйте, Ватсон, — сказал Холмс, сидя в полумраке комнаты у потрескивающего дровами камина и [[по-[кур]]-ива]-я свою любимую трубку. — Я вижу, на улице отличная погода.

Покуривать и другие глаголы так называемого прерывисто-смягчительного способа действия часто анализируют как образованные с помощью циркумфикса *по- -ыва-*. Нам, однако, кажется, что в этом случае возможно провести и другой, более композиционный (и в этом отношении предпочтительный) анализ: сначала происходит префиксация *по-*, приносящая делимитативное значение,

затем — суффиксация *-ыва-*, результатом которой является итерация делимитативной ситуации. ‘Покуривать’ — это неопределенное множество ситуаций ‘покурить’, между которыми размещаются интервалы неопределенной продолжительности, когда курение отсутствует. Как кажется, ничто в наших представлениях о семантике делимитативного *по-* и семантике *-ыва-* не препятствует такому анализу.

Чем определяется взаиморасположение внешнего префикса типа *по-* и показателя *-ыва-*, требует дальнейшего изучения. По всей видимости, глагольные основы дополнительно распределены по этому параметру — глагола с *по-* и *-ыва-*, который интерпретировался бы и как делимитативный, и как прерывисто-смягчительный, нам придумать не удалось. Описательное обобщение состоит, по-видимому, в том, что если *по-* и *-ыва-* комбинируются с основой, которая описывает гомогенную ситуацию, деятельность или состояние (например, *кур-* в *по-кур-ива-ть*, *сид-* в *по-сид-ива-ть* и так далее), *-ыва-* присоединяется после *по-*. Если основа описывает гетерогенную ситуацию, свершение или происшествие (например, *откры-* в *по-откры-ва-ть* или *выда-* в *по-выда-ва-ть* (*книги читателей*)), *по-* возникает после *-ыва-*. Интуитивно это связано с селективными свойствами *по-*, который требует, чтобы ситуация, описывая глагольным предикатом, была гомогенной (Filip 2000, 2004, Мелиг 2006, в печати). Если предикат удовлетворяет этому условию, *по-* присоединяется к нему немедленно, до того, как на сцену выходит *-ыва-*. Если нет, то *-ыва-*, который производит гомогенизацию описываемой ситуации, должен примениться до *по-*.

Здесь мы не будем пытаться сделать эту идею более эксплицитной— она требует, конечно, дальнейшей эмпирической проверки, в частности, ответа на вопрос о применимости к другим внешним префиксам.

Далее выясняется важнейший факт: если внешний префикс присоединяется до *-ыва-*, номинализация возможна, если после *-ыва-* — нет. Номинализации в (21a), по оценке носителей русского языка, являются допустимыми (хотя и не всегда стилистически удачными) и обнаруживаются в реальных текстах (см. (22)-(23)), номинализации в (21b) — нет.

- (21) а. покуривание, позвякивание, наваливание, надаривание, ...
b. *наоткрывание, *пооткрывание, ...
- (22) Естественно, кроме спортивно-соревновательной части, будет еще и развлекательная. Тут уж, позабыв про все на свете, лыжники, сноубордисты и просто хорошие парни и девчата отдадутся страсти веселья и зажгут по полной программе. В эту программу войдут фейерверки, танцы-шманцы, горячительные напитки, *покуривание* кальяна, азартные игры и многое другое.
- (23) Далее следует описание проектов художника — *наваливание* кучи дерьма (собираемого за собачками в течение четырех месяцев) перед входом в здание ненавистной редакции, расстановка бетонных макетов автомобилей по всему городу, вызвавшая перекрытие движения, и т.д.

Из этого наблюдения вытекает целый ряд дальнейших ожиданий. Можно заметить, например, что дистрибутивные глаголы с внешним префиксом *по-* (например, *побросать* (*все камни в воду*)) отличаются от делимитативных и

кумулятивных тем, что *по-* присоединяется только после *-ыва*⁶, как в (24), (читатель может убедиться в этом самостоятельно, попытавшись придумать контрпримеры). У очень похожих по семантике дистрибутивных глаголов с *пере-* (*перемыть (всю посуду)*), префикс, как у делимитативов и аккумулятивов, может присоединяется и до *-ыва-*, как в (25), и после, как в (26):

- (24) Судя по выражению лица и интонациям, она либо под дождь попала, либо ветер все окна ей [по-[[раскры]-ва]]-л.
- (25) Женщина рассказала, что сначала, примерно с августа, горячая вода у нее шла только ночью, с полуночи до шести утра — именно в это время муж [[пере-мы]-ва]-л всю накопившуюся за день посуду.
- (26) Парень Танюхи почему-то был равнодушен к футболу, [пере-[[откры]-ва]]-л все папки в моем компе, наткнулся на любимую игру моей мамы. Пришлось потом комп вырубать, потому что не оторвешь.

Если это наблюдение верно, мы можем ожидать, что дистрибутивные глаголы с *пере-* и *-ыва-* допускают номинализацию, но только если *-ыва-* присоединяется после *пере-*, а с *по-* и *-ыва-* не допускают вовсе. Это ожидание вновь подтверждается:

- (27) а. *пораскрывание (всех окон),
б. *переоткрывание (всех папок в моем компе)
- (28) Но вот посиделки завершены, гости мои как истинные джентльмены помогают убирать со стола, я по-хозяйски берусь за *перемывание* горы посуды.

Мы видим, таким образом, что составляющая AspP, возглавляемая показателем *-ыва-*, — это абсолютный максимум того, что может оказаться в составе номинализации в русском языке.

Второй вопрос — о том, любой ли материал, который присоединяется к основе до *-ыва-*, допускает номинализацию. Выше мы видели такую возможность у *vP* и *VP*, содержащих как простые основы (*писание письма*), так и основы с лексическим префиксом (*написание письма, наполнение бокала*). Естественно ожидать, что если между Asp и *v* или *V* представлены какие-либо вершины (например, промежуточные префиксы), то возглавляемая ими составляющая также допускает номинализацию⁷. Мы должны обнаружить номинализации, в которых

⁶ Более того, дистрибутивный *по-* может присоединяться и поверх некоторых внешних префиксов, например, аккумулятивного *на-* и дистрибутивного *пере-*, как в *понавбивал гвоздей* или *поперевешал половину заключенных*. Возможно, таким образом, что этот префикс образует отдельный уровень иерархической структуры, расположенный выше уровня остальных внешних префиксов. Детальную проработку этой возможности мы оставляем на будущее.

⁷ Отметим, что номинализация внешних префиксов в такой конфигурации — [*-ыва-* [внешний префикс [...]]] — не ожидается. Мы видели, что если внешний префикс находится за пределами

эти вершины есть, а вершины Asp, возглавляемой *-ыва-*, нет. Если в этой области есть ограничения, то они должны касаться индивидуальных лексических единиц, а не иметь характер систематического запрета, как в случае с внешними префиксами.

Полная проверка этого ожидания — отдельная и довольно трудоемкая задача. Опроверяющих данных, во всяком случае, мы не нашли. В частности, в отглагольных существительных на *-ние*, в которых отсутствует показатель *-ыва-*, мы, как и ожидается, обнаруживаем не только лексические префиксы, но и промежуточные, в частности *до-* ‘завершить начатое’ и *пере-* ‘осуществить еще раз и/или по-новому’:

- (29) Казалось бы, всех их уже в совершенстве знаешь, но мастерство фотохудожника каким-то ракурсом и мизансценой открывают знакомому незнакомое. Фотовыставка — это *дооткрытие* мира, *дооткрытие* Украины, я бы сказал.
- (30) Сами поэты могут быть людьми весьма нелегкими, пьющими какую-то свою и далеко не всегда сладкую чашу. Но поэзия — не само Небо, а лишь одна из необходимых лестниц в Небо. В Небо — через возделанность и осмысленность человеческого слова и человеческого лика. Если угодно — через *переоткрытие* человека. И все это не отменяется, но, напротив, становится особо насущным в нынешний жестокий век.

Вероятно, строгий редактор признал бы оборот *переоткрытие человека* неудачным и заменил бы его на *повторное открытие*. Тем не менее, одна только частотность этого существительного (поисковый запрос «переоткрытие» в Google возвращает 10800 (!) результатов) указывает, что эта возможность находится в пределах того, что носители русского языка считают грамматически допустимым.

Вот аналогичные примеры с промежуточными префиксами от основы *писа-*:

- (31) В связи с большой загруженностью на основных местах работы *дописание*, обкатка и достойное проведение программы не представляется возможным.
- (32) Победившая сторона зачастую принимает мировоззрение побежденной. Пример тому — принятие русским народом христианской религии. И *переписанье* всех основных законов предыдущей (языческой) религии, причем более человеческой...

AspP, как в случае типа *наоткрывать двери*, номинализация невозможна: AspP задает для нее предел. Однако из-за этого номинализация невозможна и для случаев типа *надарить подарков*, когда над внешним префиксом может возникнуть AspP, создав конструкцию *надаривать подарков*. На том этапе деривации, когда составляющая, возглавляемая внешним префиксом, например, [надари- подарок-], готова подвергнуться номинализации, грамматический механизм не может знать, что перед ним — внешний префикс, присоединяемый *до -ыва-*: в этот момент AspP еще не построена. Соответственно, единственный способ гарантировать запрет на номинализацию внешних префиксов, присоединяемых **после -ыва-**, — это исключение номинализации **любых** внешних префиксов.

В (31)-(32) промежуточные префиксы присоединяются непосредственно к основе *писа-*. Как и ожидается, имеются и такие примеры, в которых в составе номинализации промежуточные префиксы присоединяются поверх лексических, в частности, чистовидовых, как в (33)-(34):

- (33) Есть информационная система, написанная мною под конкретного заказчика. Система внедрена и работает. Возникла необходимость в её поддержке... Обязанности такие: администрирование сервера БД, *донаписание* софта плюс такие стандартные вещи, как установка винды, офиса и т.п.
- (34) Переозвучив всю кинотрилогию «Властелин колец», Дмитрий Пучков Гоблин взялся за *перенатписание* книг Толкиена.

Предположение о том, что промежуточные префиксы, которые всегда присоединяются до показателя *-ыва-*, не должны иметь системных запретов на номинализацию, таким образом, подтверждается⁸.

5. Номинализация и аспектуальная оппозиция

Разумеется, история об ограничениях на номинализацию не исчерпывается сделанными выше обобщениями. В частности, широко известный факт — то, что во многих случаях отглагольные существительные легко образуются от одного из элементов видовой пары, но не образуются, либо затруднены от второго. Вот два характерных случая (подробнее см. Зализняк, в печати).

Во-первых, в парах, одним из элементов которых выступает глагол СВ с тематическим *-и-*, а вторым — глагол НСВ с *-а-*, отглагольное существительное предпочтительнее от глагола на *-и-*, ср. *решение* vs. [?]*решание* или *разрушение* vs. ^{??}*разрушание*. Ср. характерную цитату из доклада Г.П.Щедровицкого на симпозиуме «Логика научного поиска» в 1977 году.

- (35) Если попытка достичь целей этим путем, т.е. в форме *решания* задач, оканчивается неудачей, то, как правило, делается вторая такая попытка, потом третья, четвертая и т.д. Обратите здесь внимание на сами словесные выражения: я говорю не о *решениях* задач, а о *решании* задач, о попытках найти решения, которые оканчиваются неудачно. Не знаю уж кому — машинисткам или редакторам — это выражение «*решание* задач» показалось, по-видимому, неправильным, и они всюду, где только могли, переправили его на «*решение* задач». Но я здесь говорю именно о процессах *решания*.

---

⁸ Наличие таких примеров показывает, что высказанное нами ранее в Пазельская 2006 предположение о том, что глагольные префиксы, значение которых композиционально, такие как *до-* или *пере-* в примерах выше, не должны допускать номинализации без *-ыва-*, оказывается слишком сильным. Это заставляет внести существенные уточнения в утверждение о решающей роли фактора композициональности в выборе основы, от которой образуется отглагольное имя.

Языковая интуиция по поводу существительных, образованных от пары *решать/решить*, как мы видим из (35), склонна рассматривать *решение* как допустимую (хотя и «неправильную» с точки зрения прескриптивной грамматики) номинализацию. Поисковый запрос в Google, тем не менее, показывает, что «решение задач» (882000 результатов) почти на пять порядков частотнее, чем «решание задач» (13 результатов).

Роль, которую в иерархической структуре глагольных показателей играет элемент *-á-*, представленный у имперфективных глаголов типа *решать*, требует отдельного исследования. До сих пор, как ни удивительно, нет единого понимания того, что представляет собой этот элемент — самостоятельную имперфективную морфему (например, Бондарко, Буланин 1967:32, из недавних работ — Зализняк, Шмелев 2000: 68-69), алломорф показателя *-ыва-* (АГ 1980:350-353) или «обычный» тематический гласный первого продуктивного морфологического класса глаголов — такой же, как в глаголе *делать* (Исаченко 1960:176-180). Для нас не является очевидным не только то, что этот элемент представляет собой алломорф *-ыва-*, не только то, что он занимает с *-ыва-* одинаковую позицию в структуре глагола, но даже и то, что во всех глаголах на *-ать*, образующих пару с глаголами на *-ить*, представлен один и тот же элемент *-а*.

С одной стороны, есть случаи типа *решить/решать* — *-а* в *решать* присоединяется до промежуточного префикса *до-* ‘завершить начатое’. Ср., в частности, *[до[реш-а]]-л задачи (и ушел домой)* и *[[до-пис]-ыва]-л письмо*: в первом случае префикс присоединяется после *-а-*, в результате чего создается глагол СВ, а во втором — до *-ыва-*, и возникает глагол НСВ. С другой стороны, есть случаи типа *уничтожить* — *уничтожать*. У этих глаголов *-а-* присоединяется поверх *до-*:

- (i) Однако, судя по всему, перспектива у нас безрадостная. Часть славянских народов, по большому счету, уже куплена Западом. Часть все тот же Запад стравливает между собой. А остальные мы сами *доуничтожаем*...

По отношению к внешним префиксам, однако, *-а-* всегда имеет узкую сферу действия, как в (ii) с дистрибутивным *пере-*, который образует глагол СВ:

- (ii) Очень распространено мнение, что оно выполняет роль сдерживания, что давно началась бы Третья мировая война, давно бы всех *переуничтожали*, а вот из-за того, что бояться - этого не происходит.

Ни для глаголов типа *решить/решать*, ни для глаголов типа *уничтожить/уничтожать*, невозможны интерпретации с наиболее широкой сферой действия *-а-*, когда этот элемент присоединяется после внешних префиксов, создавая глагол НСВ — в русском языке глаголов НСВ на *-а-*, содержащих внешние префиксы, не существует. В этом отношении дистрибуция *-а-* (как в случае с *решать*, так и в случае с *уничтожать*) решительно отличается от дистрибуции *-ыва-*: последний, как мы видели выше на примере *покуривать*, может иметь широкую сферу действия по отношению к внешним префиксам.

Во-вторых, во многих парах, одним из элементов которого является глагол СВ с тематическим гласным, а другим — вторичный имперфектив на *-ыва-*, номинализация предпочитается от основы на *-ыва-*. Например, *просверливание* в результатах запросов в Google (2390 результатов) в 13 с лишним частотнее, чем *просверление* (180 результатов, см. пример в (36)); более того, оценки грамматичности изолированного существительного вне контекста («Есть ли слово *просверление* в русском языке?») у большинства носителей отрицательны⁹. Это в

⁹ По всей видимости, еще в XIX веке *просверление* не воспринималось как аномалия. В словаре В.И.Даля, в частности, представлена следующая статья глагола *просверливать*: "**Просверливать**,

еще большей степени верно для существительного *выдумание* (*выдумать* — *выдумывать*) — наша интуиция отказывается признать его возможной русской номинализацией, хотя примеры с этим существительным также находятся, см. (37).

(36) Карниз на соплях держаться не будет. Чтоб он больше никогда не сваливался, надо в доме перфоратор иметь или хотя бы взять его у друзей-приятелей на *просверление* нескольких дырок.

(37) Классификации — это живые организмы; они вырастают и только потом становятся определёнными. Если покопаться в статьях по прог-року 80х — 70х,— там такой же раздрай и шатание, *выдумание* сотен терминов, разломы структуры классификации и отсутствие аргументационной базы.

Асимметрии такого рода — источник двух широко распространенных представлений, оба из которых, с нашей точки зрения, ошибочны.

Первое касается структуры номинализаций. Главный аргумент М.Схорлеммер (Schoorlemmer 1998) в пользу того, что в составе номинализаций AspP в русском языке отсутствует, а в польском присутствует, — это именно возможность обнаружить в польском оба элемента видовой пары там, где в русском обычно представлен лишь один. Польская пара существительных иллюстрируется в (38).

(38) a. *Ocenienie* studentow przez nauczycieli nastapilo szybko

Букв. Оценка студентов преподавателями произошло быстро.

b. *Ocenianie* studentow przez nauczycieli ciagnelo sie przez caly tyzden

Букв. Оценка студентов преподавателями тянулось целую неделю.

(38a-b), как считает М.Схорлеммер, показывают, что польские отглагольные существительные наследуют аспектуальные противопоставления, характерные для глаголов: отглагольное существительное в (38a) формально соотносится с глаголом совершенного вида и является предельным, а существительное в (38b) содержит имперфективный показатель *-a-* и имеет неопредельное значение.

В русском языке глагол *оценить* входит в пару *оценивать*, и здесь у существительных наблюдается асимметрия второго типа — номинализация единственно возможна (или по меньшей мере существенно более предпочтительна) от имперфективной основы — *оценивание* vs. ^{??}*оценение*. Если нет аспектуальной оппозиции, заключает М.Схорлеммер, в структуре номинализаций нет AspP.

Вторая идея, довольно распространенная как среди аспектологов, так и среди специалистов по номинализации, вытекает из этого же наблюдения. Если вместо пары глаголов мы имеем единственное существительное, это означает, что

просверлить что, пробуравить, провертеть, пробурить; бол. говор. о сверлении камня, металлов. -ся, страдат. Просверливание длит. *просверление* окончат. действие по глаг." Ср. также «Просверление луны колоссальным буровом — вот что служило предметом речи мистера Лунда!» из рассказа А.П.Чехова «Летающие острова». Об историческом развитии морфологии отглагольных имен, а также о других синхронных закономерностях см. Зализняк, в печати.

у существительных видовое противопоставление нейтрализуется. Нейтрализацией, в частности, многие объясняют то, почему существительное, формально образованное от глагола СВ, допускается и в перфективных и в имперфективных контекстах — см. обсуждение во введении. Есть соблазн максимально обобщить такое объяснение: всякий раз, когда существительное, образованное от основы СВ, позволяет себе больше (см. случаи, перечисленные во введении), чем соответствующий глагол, — это общее проявление нейтрализации.

Вывод М.Схорлеммер с эмпирической точки зрения представляется нам слишком сильным, а с теоретической — недостаточно мотивированным. Слишком сильным, потому что в русских номинализациях, как мы неоднократно имели возможность убедиться, «видовая оппозиция» существует — *писание* vs. *написание*, *открывание* vs. *открытие*, *распивание* vs. *распитие* и т.д. Более того, даже примеры с существительными типа *решение* vs. *решание*, которые, если рассматривать их вне контекста, как будто подтверждают выводы М.Схорлеммер, оказываются при ближайшем рассмотрении не столь однозначными — вероятно, в данном случае речь идет о статистической асимметрии, а не о грамматическом запрете.

Однако даже не это важно. Гораздо существеннее что, отождествлять наличие AspP с наличием «оппозиции» кажется в принципе неоправданным. Если мы видим в составе основы показатель *-ыва-*, есть только две возможности объяснить, откуда он там появился — либо основа пришла с ним из словаря, либо его присоединила грамматика. Судя по тому, что мы знаем о грамматических морфемах, для *-ыва-* верно второе: он регулярен, семантически композиционален, практически лишен лексических ограничений, продуктивен. Значит (в рамках допущения «где грамматическая морфема — там синтаксическая вершина»), если в основе есть *-ыва*, есть и проекция, которую он возглавляет, т.е. AspP.

Что касается идеи о нейтрализации, то опираться на нее возможно лишь до тех пор, пока мы не задаем вопрос, что собственно, представляет собой нейтрализация в семантике. Конечно, мы можем понимать видовую оппозицию как противопоставление двух признаков (скажем, [+св] и [-св]), по сути таких же, например, как признак глухости/звонкости в фонологии, а номинализацию — как контекст нейтрализации этих признаков, по сути такой же, как абсолютный конец слова по отношению к глухости/звонкости. Тем не менее, все развитие грамматической семантики в последние десятилетия убеждает нас в том, что граммема — это не только и не столько пучки признаков, сколько определенное семантическое содержание, стоящее за этими признаками. Что происходит с содержанием в случае нейтрализации? К нему что-то добавляется? От него что-то отнимается? Оно еще каким-то образом преобразуется? Как только мы задаем эти вопросы, мы перестаем понимать нейтрализацию как элементарную операцию над признаками и сталкиваемся с необходимостью композиционального анализа глагольных основ и видовых показателей. То есть возвращаемся к проблеме, которую мы сформулировали во введении: если, например, в основе *написа-* уже есть вся семантика глагола *написать*, то что происходит с этой семантикой при номинализации и почему существительное *написание* так отличается от глагола?

Таким образом, мы не склонны считать асимметрии в образовании русских отглагольных существительных теоретически важными. Эти асимметрии не

являются аргументом против наличия AspP в составе номинализаций и не открывают путь к объяснению (через механизм нейтрализации) семантических особенностей существительных. Что является причиной асимметрий — отдельный вопрос, ответ на который останется за пределами этой работы.

Более того, возможно, на этот вопрос вовсе нет общего ответа, поскольку нет уверенности, что в данном случае мы имеем дело с системным грамматическим ограничением. Случаи, когда существительное образуется без затруднения только от одного из членов пары, не составляют, как кажется, естественного класса. Наряду с парами типа *разрушение*/?*разрушение* есть **отмечение/отмечание (дня рождения)*, когда существительное образуется от имперфективного члена пары *отметить/отмечать*, а *выдумание/выдумывание* можно сравнить с *воспитание/воспитывание*, когда возможны оба существительных. Частотность *воспитания* в результатах поисковых запросов, даже если исключить его употребления в предметном значении (*хорошее воспитание*) оказывается выше, чем у *воспитывание*. Очень возможно, таким образом, что ограничения на номинализацию отдельных глаголов в составе видовых пар является индивидуальным свойством этих глаголов, — в отличие, скажем, от ограничения на номинализацию внешних префиксов, присоединяемых поверх *-ыва*, которое является систематическим.

6. Заключение

Подведем итоги и посмотрим, что вышеприведенные факты говорят о структуре глагольной основы внутри номинализаций. Как показывает предшествующее обсуждение, максимальной составляющей, которая допускает номинализацию в русском языке, является AspP, возглавляемая, в частности, показателем *-ыва-*. Например, номинализация *надаривание подарков* имеет структуру в (40):

(40) [NP -иј- [NominalP -Н-[AspP -ива- [ExtP на- [vP дар- подарок-]]]]]

В (40) в AspP вкладывается проекция внешнего префикса ExtP, которая, в свою очередь содержит, vP [дар- подарок-]

Любая составляющая, которая вкладывается в AspP, также допускает номинализацию. В частности, это может быть проекция промежуточного префикса, как в существительном *донаписание* из (33). Его структура представлена в (41), проекция промежуточного префикса обозначена как ItmP:

(41) [NP -иј- [NominalP -Н-[ItmP до- [vP написа- софт-]]]]]

Как мы видели выше на примере существительного *наполнение*, номинализации могут подвергаться непосредственно vP и VP — см. (13a-b), повторяемые как (42a-b).

(42) а. [NP -иј- [NominalP -Н- [vP AGENT [vP наполн- бокал]]]]]
 б. [NP -иј- [NominalP -Н- [vP наполн- Черное море]]]

Какая именно из этих двух составляющих возможна в номинализации, зависит, по видимому, от актантной структуры глагольной основы. У непереходных неаккузативных основ, например, *существова-*, которые вовсе не создают *vP* в синтаксисе (см. Harves 2002), это может быть только *VP*, у непереходных неэргативных основ типа *прыга-* и у основ переходных глаголов способа типа *писа-* — только *vP*, у основ переходных глаголов результата типа *наполн-* — как *vP*, так и *VP*. Не имея возможности комментировать это подробно, отсылаем читателя к литературе по актантной структуре и неаккузативности/неэргативности.

Одной из ключевых проблем, связанных со структурой глагольной основы, является анализ внутренних (= лексических), в частности, «чистовидовых» префиксов, таких, как в случае *писать/написать*. Следуя идеям предшественников (Svenonius 2004, Ramchand 2004), мы предполагаем, что лексические префиксы возникают внутри *VP*, а номинализации *писание писем* и *написание писем* имеют одинаковые структуры в (43):

- (43) a. [... [_{NP} -иј- [_{NominalP} -н- [_{vP} AGENT [_{vP} написа- писем]]]]]
 b. [... [_{NP} -иј- [_{NominalP} -н- [_{vP} AGENT [_{vP} писа- писем]]]]]

Тем не менее, структура и дистрибуция основ с чистовидовыми и другими внутренними префиксами — это сюжет для отдельной длинной истории. Начало ее изложено в многочисленных аспектологических и префиксологических работах, продолжение намечается в Romanova 2006 и Pazelskaya, Tatevosov 2006, а судить о сроках завершения, кажется, пока преждевременно.

Литература

- АГ (1980). Русская грамматика. М.
 Апресян Ю.Д. (1965). О валентностях отпредикатных имён. // *НТИ. Сер. 2*, № 6.
 Апресян Ю.Д. (1974). *Лексическая семантика*. М.
 Богданов А.В. (2005). *Сложные слова в русском языке: лексические или синтаксические ограничения?* Курсовая работа. Филологический факультет МГУ им. М.В.Ломоносова.
 Бондарко А.В., Буланин Л.Л. (1967). *Русский глагол*. М.
 Браккер Н.В. (1979). Формализованное описание контекстных видовых значений и способы их реализации в отглагольных именах. // *Вопросы информационной теории и практики* №41.
 Браккер Н.В. (1980). Синтез видовых значений глагола и числа отпредикатного имени ситуации. // *НТИ. Сер. 2*, №9, с. 26-29.
 Браккер Н.В. (1982). Синонимические преобразователи конструкций с отпредикатными именами. // *НТИ. Сер. 2*, №12.
 Гак В.Г. (1976). Номинализация сказуемого и устранение субъекта. // Золотова Г. А. (ред.). *Синтаксис и стилистика*. М., с. 85-102.
 Гращенков П.В., Лютикова Е.А. (наст. сб.). Генитивная и субъектная стратегии номинализации: анализ в терминах генеративной грамматики.
 Зализняк А.А. (в печати). Связь отглагольных существительных на *-ние*, *-тие* с глагольным видом. Сборник в честь 70-летия Т.В. Цивьян.
 Зализняк Анна А., Шмелев А.Д. (2000) *Введение в русскую аспектологию*. М.
 Иванникова Е. А. (1972). К вопросу об аспекте изучения категории вида у отглагольных существительных в русском языке. // *Известия АН СССР, сер. лит. и языка*, том 31, № 2, с. 113-123.
 Исаченко А.В. (1960). *Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким*. Том 2. Братислава.

- Крейдлин Г. Е., Рахилина Е. В. (1981). Денотативный статус отглагольных имён. // *НТИ. Сер. 2*, №12, с. 17-22.
- Мелиг Х.Р. (2006). Глагольный вид и вторичная гомогенизация обозначаемой ситуации посредством квантификации. К употреблению глаголов делимитативного способа действия в русском языке. // V.Lehmann (red.) *Semantika i struktura slavjanskogo vida IV*. Мюнхен: Verlag Otto Sagner, 235-276.
- Мелиг Х.Р. (в печати). Накопительное соотношение и вид глагола в русском языке: Взаимодействие между видом и аргументами с числительными или другими выражениями меры. // *Сборник статей к юбилею Е.В.Падучевой*. М.
- Падучева Е. В. (1977). О производных диатезах отпредикатных имён в русском языке. // *Проблемы лингвистической типологии и структуры языка*. М., с. 84-107.
- Падучева Е. В. (1984). Притяжательное местоимение и проблема залога отглагольного имени. // *Проблемы структурной лингвистики*, М., с. 50-66.
- Падучева, Е.В. (1991). Отпредикатные имена в лексикографическом аспекте. // *НТИ. Сер. 2*, № 5, с. 21-31.
- Падучева, Е. В. (1986). О референции языкового выражения с непредметным значением. // *НТИ. Сер. 2*, № 1, с. 23-31.
- Пазельская А. Г. (2003). Аспектуальность и русские предикатные имена. // *Вопросы языкознания*, №4, с. 72-90.
- Пазельская А.Г. (2006). *Наследование глагольных категорий именами ситуаций*. Дисс. на соискание уч. степ. канд. филол. наук. Москва. МГУ им. М.В.Ломоносова.
- Подобряев А.В. (наст. сб.) Подлежащее при номинализациях в русском языке.
- Рудницкая Е.А. (наст. сб.) Проблема номинализации в корейском языке.
- Татовосов С.Г. (2006). О иерархической структуре глагольных показателей. Доклад на заседании Аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова.
- Татовосов С.Г. Номинализация и проблема непрямого доступа. // *Сборник статей к юбилею Е.В.Падучевой*.
- Хохлачёва В. Н. (1969) *К истории отглагольного словообразования существительных в русском языке нового времени*. М.
- Шмельёва Е. Я. (1984). *Названия производителя действия в современном русском языке (словообразовательно-семантический анализ)*. Дисс. на соискание уч. степ. канд. филол. наук. М.
- Abney, S. (1987). *The English noun phrase in its sentential aspect*. Ph.D. dissertation, MIT.
- Alexiadou, A. (2001). *Functional Structure in Nominals*. Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins.
- Alexiadou, A. (2005). Argument Structure in Nominals. In A. Alexiadou, L. Haegeman and M. Stavrou (eds.) *Noun Phrases: a Generative Approach*. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Babby, L.H. (1997). Nominalization in Russian. In Browne W., E.Dornisch, N.Kondrashova, and D.Zec (eds.) *Formal Approaches to Slavic Linguistics, The Cornell Meeting 1995*. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 53-85.
- Baker M. (1985). *Incorporation: a theory of grammatical function changing*. Ph.D. dissertation, MIT.
- Borer, H. (1993). *Derived Nominals*. Ms., University of Massachusetts, Amherst.
- Borer, H. (1999). *The Form, the Forming, and the Formation of Nominals*. Ms., University of Southern California.
- Chomsky, N. (1970). Remarks on nominalization. In R. Jacobs, P.Rosenbaum (eds.) *Readings in English Transformational Grammar*. Waltham: Ginn.
- Cinque, G. (1999.) *Adverbs and Functional Heads: A Cross-Linguistic Perspective*. New York: Oxford University Press.
- Comrie, B. (1980). Nominalization in Russian: Lexical Noun Phrases or Transformed Sentences In C.V. Chvany and R.D. Brecht (eds.) *Morphosyntax in Slavic*. Columbus, Ohio: Slavica Publishers, 212-220.
- Di Sciullo, A.M., and R. Slabakova (2005). Quantification and Aspect. In H.Verkuyl, H. de Swart, and A. van Hout (eds.) *Perspectives on Aspect*. Dordrecht: Springer, 61-80.
- Di Sciullo, A.M. (1997). Prefixed verbs and adjunct identification. In A.M. Di Sciullo (ed.) *Projections and Interface Conditions*. New York: Oxford University Press, 52-73.
- Di Sciullo, A.M. (1999). Verbal structure and variation. In E.Trevino and J.Lema (eds.) *Semantic Issues in Romance syntax*. Amsterdam: John Benjamins, 39-55.
- Filip, H. (1999). *Aspect, eventuality types and noun phrase semantics*. New York, London: Garland Publishing.
- Filip, H. (2000). The Quantization Puzzle. In J.Pustejovsky and C.Tenny (eds.) *Events as grammatical objects*. Stanford, California: CSLI Press, 3-60.

- Filip, H. (2005). «Measures And Indefinites.» In G.N. Carlson and F.J.Pelletier (eds.) *Reference and Quantification: The Partee Effect (Festschrift for Barbara Hall Partee)*. Stanford, California: CSLI Press.
- Folli, R. and H.Harley (2004). Flavors of v: Consuming results in Italian and English. In R.Slabakova and P.Kempchinsky (eds.) *Aspectual Inquiries*. Dordrecht: Kluwer, 95-120.
- Fu, J., Th.Roeper, and H.Borer (2001). The VP within Process Nominals: Evidence from Adverbs and VP Anaphor do so. *Natural Languages and Linguistic Theory* 19: 549-582.
- Goledzinowska, M. (2004). Deriving SE in Polish: A Distributed Morphology Approach. Paper presented at FASL 13. University of South Carolina.
- Grimshaw, J. (1990). *Argument Structure*. Cambridge, Mass.: MIT Press.
- Hale, K. and S.J.Keyser (1993). On argument structure and the lexical expression of syntactic relations. In K. Hale and S.J. Keyser (eds.) *The view from building 20*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 53-110.
- Harves, S. (2002). *Unaccusative Syntax in Russian*. Ph.D. Dissertation, Princeton University.
- Kratzer, A. (1996). Severing the External Argument from its Verb. In J.Rooryck and L.Zaring (eds.) *Phrase Structure and the Lexicon*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 109-137.
- Larson R.K. (1988). On the double object construction. *Linguistic Inquiry* 19.
- Paslawska, A. and A. von Stechow. (2003). Perfect Readings in Russian. In M.Rathert, A. Alexiadou, and A. von Stechow (eds.) *Perfect Explorations*. Berlin: Mouton de Gruyter, 307-362.
- Pazelskaya, A. and Tatevosov, S. (2006). Deverbal nouns, uninflected VPs, and aspectual architecture of Russian». In *Formal Approaches to Slavic Linguistics 14. The Princeton Meeting 2005*. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 258-276.
- Ramchand, G. (2002). Aktionsart, L-syntax and Selection. In H.Verkuyl, H. de Swart, and A. van Hout (eds.) *On-line proceedings of the Perspectives on Aspect conference*. University of Utrecht.
- Ramchand, G. (2003). First Phase Syntax. Ms., University of Oxford.
- Ramchand, G. (2004). Time and the event: The semantics of Russian prefixes. *Nordlyd. Special issue on Slavic prefixes* 32.2.
- Rappaport, G.C. (2000). The Slavic NP. In G.Fowler (ed.) *Comparative Slavic morphosyntax*. Bloomington: Slavica Publishers.
- Rappaport, G.C. (2001). The Geometry of the Polish Nominal Phrase: Problems, Progress, and Prospects. In P.Banski and A.Przepiorkowski (eds.) *Generative Linguistics in Poland: Syntax and Morphosyntax*. Warsaw: Polish Academy of Sciences, 173-89.
- Roeper, Th. (1987). Implicit arguments and the Head-Complement Relation. *Linguistic Inquiry* 18: 267-310.
- Roeper, Th. (2004). Nominalizations: how a marginal construction rebuilds primary principles. Ms., University of Massachusetts.
- Romanova, E. (2004). Superlexical vs. lexical prefixes. *Nordlyd. Special issue on Slavic prefixes* 32.2.
- Romanova, E. (2006). *Constructing Perfectivity in Russian*. Ph.D. dissertation. University of Tromso.
- Rozwadowska, B. (1997). *Towards a Unified Theory of Nominalizations: External and Internal Eventualities*. Wroclaw: Wydawnictwo uniwersytetu wroclawskiego.
- Schoorlemmer, M. (1998). Complex event nominals in Russian: Properties and readings. *Journal of Slavic linguistics* 6-2: 205-254.
- Schoorlemmer, M. (1995). *Participial Passive and Aspect in Russian*. Ph.D. dissertation, Utrecht: OTS.
- Svenonius, P. (2003). Slavic (*idües*) Pre-fixes. Paper presented at FDSL-V, University of Leipzig.
- Svenonius, P. (2004). Slavic prefixes inside and outside VP. *Nordlyd. Special issue on Slavic prefixes* 32.2, 323-361.
- Tenny, C. (2000). Core events and adverbial modification. In J.Pustejovsky and C.Tenny (eds.) *Events as grammatical objects*. Stanford, California: CSLI Press, 285-334.
- Travis, L. (2000). Event Structure in Syntax. C.Tenny, J. Pustejovski (eds.) *Events as Grammatical Objects*. Stanford, California: CSLI Press,
- van Hout, A. and Th.Roeper. (1998). Events and Aspectual Structure in Derivational Morphology. In H.Harley (ed.) *Papers from the UPenn/MIT Roundtable on Argument Structure and Aspect*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 175-200.
- Verkuyl, H. J. (1999). *Aspectual Issues. Structuring Time and Quantity*. Stanford: CSLI Publications.